

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ В. Я. ЕЛЬМЕЕВЫМ

Вопрос: Наш журнал с первого номера предпринял интересный, с моей точки зрения, проект — предъявить читателям историю социологии в лицах петербургских представителей социальных наук, в большей или меньшей мере участвовавших в создании сегодняшней социологии в России.

Василий Яковлевич, Вы и по возрасту и по роли в становлении социологии в России являетесь заметной фигурой в истории социологии советского периода в тогдашнем Ленинграде. Правда, отношение к Вам и Ваше отношение к социологам Вашего поколения не являются простыми. Вы нередко критиковали своих оппонентов, они в свою очередь Вас. Оставила ли эта дискуссия след в Вашей творческой биографии? Собственно, мой вопрос состоит в том, чтобы как можно более объективно осветить хронику «борьбы» за социологию в течение последних десятилетий в 1960–1980-е гг.

Ответ: Я бы не стал называть происходившие в 1960–1980-х гг. Процессы «борьбой» за социологию. Шла борьба против марксистской, материалистической социологии, за внедрение западной социологии, сначала позитивистской, а затем — феноменологической. Верхи, особенно начиная с Н. С. Хрущева, втайне все это поддерживали, а начиная с А. Н. Яковлева, — навязывали от имени ЦК КПСС.

Сторонники материалистической социологии были удалены из руководящих органов Академии наук и системы образования в сфере общественнознания. Их место заняли те, кто в дальнейшем перешел на сторону защиты ельциновского режима, отказавшись от материализма и марксизма. Мне и моим коллегам, сохранившим свои принципы, ничего не оставалось, как защищать материализм в социологии и иногда, защищаясь, называть бывших рьяных «марксистов» соответствующими их поступкам именами, т. е. иудами.

Вопрос: С высоты Вашего возраста, все-таки семьдесят лет, и почти пятьдесят лет в сфере науки и образования, готовы ли Вы поделиться с читателями своими размышлениями о прошлом и настоящем. Каково Ваше определение уходящей эпохи?

Ответ: Уходящей считаю эпоху перестройки и ельцинизма, т. е. эпоху реставрации капитализма в России и бывшем СССР (за исключением Белоруссии и, возможно, других прежних союзных республик). На примере России капитализм обнаружил свою кризисность и историческую обреченность, а зародившаяся буржуазия — свой воровской характер. Теперь уже не по книгам, а на практике узнали, как грабят плоды труда простого народа, оставляют его без всяких сбережений, даже «гробовых».

Настоящей, а потому действительной и необходимой считаю эпоху социализма, ее продолжение и неизбежное становление на собственные основы, очищенные от всей той грязи, что прилипла к нему от старого и нового капитализма.

Вопрос: Вы пришли в высшую школу в 1940-е гг., сразу после войны. Может, это импульсы чисто личного свойства или было какое-то влияние извне. Иными словами, откуда Вы родом, как и почему Вы пришли в сферу университетского образования и науки, что определило Ваш выбор в области философии, экономики, социологии, в целом социальных экономических наук?

Ответ: Моя биография имеет прямое отношение к определению нашего прошлого и настоящего. Чем стал наш университет сегодня, его громадные достижения — это прежде всего результат деятельности вернувшихся с фронта и не успевших стать солдатами войны детей рабочих и крестьян. В этом отношении я, типичный выходец из народа, в настоящее время вряд ли смог бы поступить в наш университет по материальным и социальным критериям.

Родился в 1928 г. в мордовском селе, в семье колхозников. Не скажу, что мое село Сузгорье было затеряно где-то в глуши, далекой от цивилизации. В семи километрах на юг, в селе Рузаевка, родился поэт А. И. Полежаев — внебрачный сын поэта-помещика Н. Е. Струйского, известного больше через свою жену, изображенную живописцем Ф. С. Рокотовым. Немного дальше было поместье А. М. Аргамакова — первого ректора Московского университета, в семье которого воспитывался А. Н. Радищев. В двадцати пяти километрах на север, в селе Акшино, — места, где провел детство и многие годы творческой жизни Н. П. Огарев.

В годы войны я окончил в селе семилетнюю школу, а в 1942 г., несмотря на тяжелую жизнь (в семье, кроме меня, старшего, было еще пять детей), по настоянию отца-фронтовика поступил в Саранское педагогическое училище. В числе учеников-отличников после его окончания получил право на поступление в вуз без экзаменов. По совету моей учительницы С. Ф. Рябовой (ее можно узнать в картине Ф. В. Сычкова «Учительница-мордовка») и по настоянию вернувшегося с войны и воевавшего на Волховском фронте отца, в 1945 г. поступил на философский факультет Ленинградского университета. Если бы не желание отца отправить меня в Ленинград, который он защищал, я бы стал учиться в Мордовском педагогическом институте им. А. И. Полежаева в городе Саранске, причем на физико-математическом факультете.

Мое стремление совместить философию, экономику и социологию объясняется главным образом обстоятельствами университетского образования того времени и условиями работы, в какой-то мере и тем, что хотел много знать, искал в экономике первопричины происходящих процессов, не любил ограничиваться «проговариванием» проблем, «дискурсом».

Вопрос: Конечно, прежде всего интересен Ваш творческий путь в сегодняшнюю социологию. Вы дважды доктор наук: философских и экономических. Как это оказалось возможным, да к чему это «излишество»?

Ответ: Свой творческий путь начале эмпирического исследования возникшего в 1949 г. в Ленинграде общественного движения за творческое содружество науки и производства. Это кандидатское диссертационное исследование, защищенное на философском факультете в 1953 г., сделало меня, с одной стороны, «эмпирическим» социологом, с другой, — вывело на проблему превращения науки в непосредственную производительную силу, чем должны были заниматься экономисты. Когда в 1969 г. на экономическом факультете ЛГУ открылись кафедра и отделение экономических исследований и разработок, я оказался нужным по этой специальности, ибо раньше занимался проблемами науки и производительными силами человека.

Заведовать отраслевой экономической кафедрой и не быть дипломированным специалистом в этой области было как-то неудобно. Да и защитить вторую докторскую диссертацию было не так трудно, ибо я уже несколько лет читал курс по экономике науки. Главное же — это то, что основательно изучил труды экономистов, в

частности, всего Маркса, будучи уже профессором. Это усилило мой познавательный потенциал.

Путь в социологию мне открыли два обстоятельства: проведенное, начиная с 1950 г., эмпирическое социологическое исследование, а затем работа над проблемами развития человека как субъекта труда, защита докторской диссертации на тему «Главная производительная сила общества» (1963 г.) и приглашение по рекомендации академика Б. Г. Ананьева возглавить в 1965 г. созданный при университете Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. В институте был реализован проект по планированию социального развития трудовых коллективов, который в то время был назван в печати откровением нашей социологии.

Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований (НИИКСИ) при Ленинградском государственном университете был организован приказом ректора от 4 ноября 1965 г. в соответствии с распоряжением Совета министров РСФСР от 18 ноября 1964 г. и приказом министра высшего и среднего специального образования РСФСР от 26 ноября 1964 г. Он объединил созданные ранее на разных факультетах лаборатории: социально-экономических исследований — на экономическом факультете (1959); инженерной психологии (1959), антропологии и дифференциальной психологии (1963), социальной психологии (1962) — на факультете психологии; социологических исследований (1960) — на философском факультете. Были вновь организованы лаборатории юридических исследований, оптимального режима управления в трудовых коллективах, программированного обучения, проблем воспитания студентов. Раньше факультетские лаборатории взаимодействовали на началах добровольного объединения, руководимого Б. Г. Ананьевым.

Первыми комплексными проблемами, над которыми работал коллектив института, были: а) развитие человека как субъекта труда, познания, обучения и оптимизация условий его трудовой, познавательной и коммуникационной деятельности; б) планирование социального развития трудового коллектива; в) социальные аспекты высшего образования и воспитания студенческой молодежи.

Наиболее важным результатом деятельности института, получившим общесоюзное признание, явилось начатое по его инициативе планирование социального развития трудовых коллективов, административных районов, городов и областей. За счет осуществления этого исследовательского проекта и его практического внедрения институт получил в то время значительные финансовые ресурсы, большую часть исследовательских ставок, укрепил себя высококвалифицированными кадрами. Достаточно сказать, что в институте в то время работали в качестве руководителей лабораторий и научных сотрудников известные в стране и в университете ученые: академики Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, Б. Ф. Ломов, Д. А. Керимов, Н. В. Кузьмина, профессора В. В. Орехов, Б. Р. Рященко, В. Р. Полозов, В. И. Кателкин, Е. С. Кузьмин, А. Л. Свенцицкий и многие другие.

Лишь В. А. Ядов с небольшой группой подчиненных (Э. В. Беляев, А. А. Киселев, А. С. Шаев, Г. И. Саганенко) ушел из института, не согласившись с назначением меня директором, и на второй день после приказа ректора К. Я. Кондратьева об организации института написал в РК КПСС соответствующее письмо. Оно разбиралось на бюро райкома партии, но не получило поддержки. Особенно возмущался поведением автора письма приглашенный на заседание бюро академик Б. Г. Ананьев.

Вопрос: Каково Ваше нынешнее восприятие атмосферы 1940–1960-х гг. в Советском Союзе, Ленинграде, Ленинградском университете? Кто были Ваши кумиры и учителя? Что, на Ваш взгляд, утрачено безвозвратно и что необходимо вернуть и сохранить?

Ответ: Атмосфера в годы моей учебы на философском факультете, в аспирантуре и затем в период работы была насыщена событиями, к которым в настоящее время очень часто возвращаются и оценивают неоднозначно.

В 1946 г. меня, студента первого курса, чуть не исключили из комсомола: старший агитатор В. Гендель доложила комсorghу курса Р. Блюму, что я не захожу в квартиры избирателей и не веду с ними беседы о И. В. Сталине, который баллотировался в Верховный Совет по Василеостровскому избирательному округу. На комсомольском собрании ими был поставлен вопрос о моем исключении из рядов ВЛКСМ. Выручили меня староста группы Н. Калинина и секретарь комсомольской организации факультета А. П. Казаков. Я же в свое оправдание мог назвать лишь одну причину: стеснялся заходить в квартиры ленинградцев, да плохо говорил еще по-русски. Это «агрессивное» отношение моих товарищей можно объяснить, видимо, тем, что у некоторых, особенно городских, студентов еще сохранилась «революционность» 1930-х гг. — не верить выходцам из мелкобуржуазной деревни. Если, например, М. С. Каган, как он рассказывает, после того, как ему в 1937 г. предложили вступить в антисоветскую организацию, наутро побегал доложить в районное отделение НКВД, то мои друзья-студенты обратились к партorghу и комсorghу.

Не так давно много говорили о «подвигах» шестидесятников, порожденных «хрущевской оттепелью». В наши дни, когда обнаружались результаты их деятельности — развал системы образования, науки, культуры, когда выявилось предательство интересов народа их кумирами — Горбачевым, Ельциным, Чубайсом, Гайдаром и т.д., не так-то почетно себя причислять к «шестидесятникам». Они предпочитают не говорить о результатах своей деятельности, не хотят знать ни прошлого, ни будущего, удовлетворяются переживаниями повседневности, виртуального мира и межличностных отношений.

Философский факультет раньше всех оказался в руках шестидесятников. Были под тем или иным предлогом уволены профессор А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров, возродившие историю русской философии на философском факультете ЛГУ. Оказались в опале профессор А. П. Казаков, Г. Г. Караваев, Г. А. Подкорытов, В. Ф. Сержантов и др. В 1969 г. мне пришлось переходить на экономический факультет. С теперешним философским факультетом у меня уже нет ничего общего.

Всем хорошим, что мною приобретено, я обязан тому философскому факультету, который существовал до прихода «шестидесятников». Это — мои учителя профессор М. В. Серебряков, профессор В. П. Тугаринов. М. В. Серебряков часто бывал в общежитии, рассказывал, как он стал профессиональным революционером, как надо относиться к науке. Мы, А. П. Казаков, А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров и я, бывали у него на квартире, слушали его беседы о революционном движении, о партийных деятелях, о том, как он организовывал изучение исторического материализма в университете. Сильное влияние оказал на нас всех В. П. Тугаринов своим глубоким научным, творческим подходом. На экономическом факультете такими учителями были Н. А. Моисеенко, Н. Д. Колесов, А. А. Демин. Путь в большую науку мне открыли член-корр. АН СССР Б. А. Чагин и академик Академии педагогичес-

ких наук Б. Г. Ананьев, выступившие оппонентами моей философской докторской диссертации. Жизни, отношению к людям научили мои друзья, прошедшие войну, — А. П. Казаков, В. Н. Редкозубов, С. Ф. Елисеев, М. Г. Макаров и многие другие товарищи по общежитию.

Вопрос: Ваша жизнь связана с Ленинградским и теперь Санкт-Петербургским государственным университетом. Однако известно, что Вы занимали и занимаете активную общественную позицию. Не было ли мысли пойти «в массы» или в партийные органы для реализации своих идей? Занимались ли Вы общественной деятельностью в университете и городе? Или Вы предпочитали кабинет ученого коридорам власти и публичной активности?

Ответ: Моя активность в общественной жизни обычно ограничивалась рамками того или иного факультета, его трудового коллектива, «Верхи» меня и моих товарищей не очень жаловали. Вел себя активно там, где от меня что-то зависело, где было самоуправление или его элементы: в студенческой или партийной группе, в трудовом коллективе. Дальше и выше я не оказывался. Считаю, что делал правильно, посты меня не испортили. Предпочитал сидеть в библиотеках, писать статьи или книгу, времени всегда не хватало именно для такой работы.

Вопрос: Каково Ваше отношение к перестройке и возможностям, предоставленным эрой М. С. Горбачева?

Ответ: Перестройка вначале предстала как нужное дело. Она предполагала ускорение научно-технического прогресса, выдвижение на первый план человеческого фактора, социально-экономического развития и его планирования, что соответствовало тому, что я сам доказывал. Особенно приятно мне было услышать от М. С. Горбачева в Ленинграде на собрании партийно-хозяйственного актива города в 1985 г. слова о том, что необходимо наше национальное богатство рассматривать не в стоимостном, денежном, а в натуральном выражении. Осуждение денежного вала было явно направлено против «товарников», сделавших главным показателем экономического развития вместо экономики труда прибыль. Я полагал, что новый секретарь усмотрел в расширении товарно-стоимостных отношений тормоз социально-экономического развития, причину падения темпов прироста национального дохода. К 1985 г. они составляли всего 3% в год.

К сожалению, этот первоначальный курс — «больше социализма» — был вскорее отброшен, верх взяли «товарники» и дело пошло к капитализму. Я и мои единомышленники, профессора В. Г. Долгов и М. А. Попов, выступили с резкой критикой этого курса, выпустили в марте 1991 г. в издательстве «Мысль» книгу «Выбор нового курса», направленную против линии еще секретарствующего М. С. Горбачева. Наши оценки, как показало время, оказались правильными, перестройка действительно превратилась в разрушение.

Вопрос: На что направляли Вы свои усилия: на разработку новой проблематики, или основные идеи и концепции уже сформировались? Если Вы пытались способствовать развитию духа научного поиска, а это было в духе проводимой во второй половине 1980-х гг. перестройки, то что удалось и что не удалось осуществить.

Ответ: Оценка положения, сложившегося после перестройки и в период еще более разрушительных ельциновских реформ, заставила задуматься над проблемой смены парадигмы социально-экономического развития общества. Необходимо было с этой точки зрения проанализировать уроки предшествующего социалистического развития нашего общества и обдумать способы выхода из кризиса,

определить перспективы развития. Этому была посвящена новая книга в соавторстве с В. Г. Долговым и М. В. Поповым «Уроки и перспективы социализма в России», изданная в 1997 г., где я во второй главе рассмотрел эти вопросы под углом зрения трудовой теории потребительной стоимости, взятой в качестве новой научной парадигмы.

Можно сказать, что эта новая проблематика возникла из противоречий общественной жизни, в том числе порожденных реформами и перестройкой.

Вопрос: Для ученого в сфере социогуманитарных наук важна методологическая позиция и пристрастия. Какова Ваша методология и Ваше кредо научной веры?

Ответ: К методологии я отношусь очень серьезно. Ведь метод — это само себя знающее познание. Неслучайно уже несколько лет читаю спецкурс «Социологический метод» и написал на эту тему книгу. В этом вопросе важно осознать, каким методом пользуются при изучении или изложении той или иной проблемы и вполне сознательно (стихийность здесь недопустима) его выбирать. Я убедился, что идеалистическое понимание истории — самое поверхностное. Кажется, что в начале было слово, но от сказанного слова человек не появился, надо было его делать. В начале было дело.

Учился методу у Маркса и Гегеля. Очень высоко оцениваю работы Э. В. Ильенкова, Ж. М. Абдильдина, Г. И. Рузавина, Г. А. Подкорытова, Г. Г. Караваева.

Выбор метода меньше всего зависит от идеологической позиции, хотя и здесь, безусловно, я решаю для себя альтернативу идеалистического и материалистического методов в пользу последнего. За пределами этой альтернативы важно брать все лучшее из всех работ, в которых реализуются те или иные правила познания, позволяющие решить проблему. Моим кредо научной веры стало то, к чему я пришел при обосновании новой парадигмы в науках об обществе — превосходение результата над затратами вместо их стоимостного тождества. Превосхождение уже сделанного в науке — таков принцип и моей жизни.

Вопрос: Политические и культурные условия чрезвычайно важны для публичного деятеля, каким является профессор в области общественных наук. Влияли и насколько на характер и интенсивность Вашей деятельности в университете политические и идеологические требования со стороны партийно-государственных органов?

Ответ: Конечно, влияли, ибо я состоял в партии, выполнял партийные поручения, причем с большим желанием, если они соответствовали моим убеждениям. Я считали сейчас считаю, что в первичных партийных организациях воспитывались самые лучшие человеческие качества, по-настоящему реализовывались демократические принципы, всегда можно было найти помощь и поддержку у товарищей, особенно при взаимодействии с «верхами», которые не всегда придерживались демократических принципов.

К сожалению, сейчас запрещено организовываться в партийные ячейки в трудовых коллективах, да и сами трудовые коллективы оказались под властью командно-административной системы. Вот чем обернулась «демократия», критиковавшая командно-административную систему, которой не очень-то давали командовать партийные, профсоюзные и иные коллективы.

Вопрос: Во всяком случае, предыдущий вопрос тесно связан с проблемой мотивации преподавательского и научного труда, его продуктивности. Можете ли Вы назвать наиболее значимые, с Вашей точки зрения, собственные научные и педа-

гогические достижения, которые являются этапными в Вашем творчестве? Что, по Вашему мнению, более всего стимулировало Вашу активность: мотив познания, жажда успеха, стремление к власти в академическом поле или другие факторы?

Ответ: Не очень-то удобно говорить о собственных научных и педагогических достижениях. Могу лишь сказать, что работаю я много, труд для меня стал необходимостью. Далее я изложу недавно выданную мне характеристику.

В числе первых отечественных авторов принял активное участие в обосновании и разработке идеи превращения науки в непосредственную производительную силу. Моя докторская диссертация «Главная производительная сила общества» и соответствующая монография (М., 1964) представляют собой одно из первых всесторонних исследований человеку как субъекта труда. Выполнен цикл работ по социальному планированию, в том числе книги «Проблемы социального планирования» (Д., 1973), «Методологические основы планирования социального развития» (М., 1974) и др., был одним из инициаторов проведения конкретных социологических исследований, а также исследований проблем прикладной социологии и прикладного социального анализа. Опубликовал книгу по методологии теоретической социологии (Социологический метод: теория, онтология, логика. СПб., 1995). Награжден дипломом лауреата университетской премии второй степени за научную работу по экономике науки (1983 г.).

В социологии мною разработан «механизм» превращения фундаментальных положений социальной теории в принципы прикладной социологии, что позволило их реализовать в практике управления социально-экономическими процессами. Разработана методология социального планирования, явился одним из основателей этого нового научного направления и инициатором составления первых в стране планов социального развития промышленных предприятий и городских административных районов г. Ленинграда. В настоящее время являюсь руководителем научной школы факультета социологии «Теория и практика социального развития».

Мною разработана теория воспроизводства общества и человека, значительная часть которой представлена в диссертации о развитии человека как производительной силы общества и в книге «Воспроизводство общества и человека» (М., 1988). Предложена политэкономическая концепция экономики науки, которая легла в основу подготовки первых в стране специалистов по науковедению и экономике научных исследований, участвовал в создании научной школы «Экономика науки и новых технологий» на экономическом факультете.

Особенность моей научной деятельности — сочетание теоретических принципов разных общественных наук при исследовании тех или иных проблем, доведение теоретических положений до практически приложимого вида и участие в их практической реализации. Награжден золотой медалью ВДНХ (1970 г.), имею почетный диплом Кировского завода.

Читал общие курсы по философии, экономике науки, прикладной социологии, а также спецкурсы по социологическим проблемам труда, социальному планированию. В настоящее время подготовил и читаю новые курсы по социологическому методу, социологии собственности, распределения. Награжден почетной грамотой университетского лауреата «За высокое педагогическое мастерство» (1994 г.)

Вопрос: Вы участвовали в создании одного из первых отделений прикладной социологии в Ленинградском университете. Эта история известна, но было бы не

лишне услышать Вашу оценку этого события. Насколько значим этот период в вашей профессиональной деятельности? На что, собственно, направляли Вы свои усилия — на самосохранение существовавшего положения дел в социологии или предпринимали попытки принципиально изменить характер социологической науки и образования?

Ответ: Мое участие в организации одного из первых отделений прикладной социологии в стране и в нашем университете на базе экономического факультета было связано с тем, что я и мои коллеги-экономисты (Б. Р. Рященко, В. Р. Полозов, В. И. Кателкин и др.), начиная с 1965 г., осуществляли очень важный для того периода истории страны (думаю, к этому еще страна вернется) проект. Мы предложили и обосновали необходимость планирования социального развития трудовых коллективов (а затем и территориальных образований) и дополнения экономического планирования социальным. К тому же я в 1965 г. уже участвовал в создании первого Научно-исследовательского института социальных исследований в стране, был первым его директором.

По этим причинам мне и было предложено организовать отделение и кафедру прикладной социологии. Прикладными они назывались потому, что в то время были модными эмпирические исследования и надо было готовить социологов-практиков (заводских социологов). Теоретическая же социология была представлена кафедрами исторического материализма, научного социализма и др. Прикладные их звенья не имели в то время особого развития. Надо было создавать концепцию прикладных исследований в общественных науках и в этом отношении подняться на уровень прикладных звеньев естествознания (прикладная математика, прикладная химия и т.д.).

Считаю, что это было новым и эффективным делом в социологической науке и образовании, причем более продуктивным, чем обычная западная эмпирическая социология, вылившаяся затем в форму анкетных опросов. Не лишним будет напомнить, что отделения прикладной социологии в Ленинградском и Московском университетах были созданы по решению ЦК КПСС. Учебный план отделения разрабатывали на экономическом факультете сами, без спущенных сверху стандартов. При этом мы (разработчиками были я и В. Г. Долгов) уделяли особое внимание экономической подготовке студентов, что отличало выпускников отделения от выпускников Московского отделения, возникшего на базе философского факультета. Социологи-экономисты оказались наиболее пригодными для практики. Это направление междисциплинарной подготовки, востребованное и в наши дни, возможно, придется закрыть, ибо оно не соответствует теперешнему государственному стандарту.

Вопрос: Факультет социологии в Санкт-Петербургском университете был образован в 1989 г. Вы участвовали в создании факультета. Известно, что с 1984 г. было открыто отделение прикладной социологии на экономическом факультете Ленинградского университета. С чего, собственно, началось социологическое образование в университете: с этих двух кафедр или же с учреждения факультета? Каковы были материально-технические и организационные предпосылки создания факультета? Где размещался факультет изначально? Что предпринималось для становления факультета? Как по истечении девяти лет, в 1998 г., Вы оцениваете достижения факультета как учебно-научного учреждения?

Ответ: Что касается преподавания социологии и социологического образования в нашем университете, то я могу сказать, что они с 1917 г. не прерывались.

Некоторые социологи с недавнего времени стали утверждать, что в советский период, после 1920-х и вплоть до 1960-х гг., социологии не существовало. Они не признают социологом К. Маркса и других сторонников исторического материализма, хотя в каждом западном учебнике по социологии марксистской социологии отводится довольно значительное место. Я, например, в 1948–1949 гг. слушал лекции по истории русской социологии Н. Н. Андреева, работавшего в университете еще с П. А. Сорокиным, читал книгу С. А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии», изданную в Ленинграде в 1929 г. Все преподаватели, читавшие курс по историческому материализму, знакомили нас и с западной социологией, особенно с позитивистской.

Социология, социологические законы развития общества не отрицались. Но у нас речь шла тогда об историческом материализме и о социологии новой общественно-экономической формации — теории научного коммунизма, которую на современном языке можно назвать одной из отраслей исторической социологии, наряду с социологической теорией возникновения и развития капиталистической формации. В университете, в частности на философском факультете, еще до открытия отделения прикладной социологии на экономическом факультете существовала специализация по социологии, читались специальные курсы по социологии труда, методологии и методике социальных исследований (эти курсы читал я) и по другим проблемам. Из студентов этой специализации в настоящее время только на нашем факультете работают профессор В. Г. Овсянников, доценты С. Г. Силантьев, Е. В. Капусткина.

Социология как наука до ее институализации в виде отделений, факультетов, школ и кафедр в России существовала задолго до М. М. Ковалевского и его социологической школы. Об этом можно было узнать из работ и лекций Н. Н. Андреева, который к русским социологам относил не только Ковалевского и своих коллег, но и Герцена, Чернышевского, Белинского, Михайловского, Плеханова и многих других.

Вопрос: Видимо, факультет социологии может считаться уже зрелым (хотя и юным) факультетом, имеющим не только определенные свершения, результаты, но и ближайшие и долгосрочные перспективы. В чем состоят эти перспективы? Имеется ли какая-либо продуманная стратегия развития факультета социологии?

Ответ: Факультет социологии, безусловно, состоялся и во многом благодаря блестящим организаторским способностям его декана профессора А. О. Боронова. Удалось наладить нормальную, без конфликтов работу коллектива, установить связи со многими западными университетами. Вместе с тем развитие факультета оказалось под влиянием «реформ» в образовании, проводимых ельцинским режимом, ужесточившим воздействие так называемых государственных образовательных стандартов на учебные планы. Эти стандарты направлены на подготовку интеллектуальной рабочей силы для рынка труда и обслуживания потребностей бизнеса. В этих условиях на заднем плане оказалась теоретическая социология, она по существу заменена историей социологии, что соответствует постмодернистскому тезису о том, что ныне социология может существовать только как история социологии. Последняя — не предпосылка теоретической социологии нашего времени, а сама эта социология. Социология в рамках постмодерна тождественна с тем, что было.

Факультет из факультета социологии ныне становится факультетом социальных наук. К нему ассоциированы культурная антропология, социальная этнология, социальная работа, экономика и социология труда с соответствующими отделениями и кафедрами. Пока еще есть желание держать эти науки на «стволе» социологии. Но может случиться, что в свое время осуждал П. А. Сорокин: «Я уже не имел отношения к тому, что случилось с факультетом (имеется в виду факультет социологии Гарвардского университета — В. Е.) позднее, т.е. ни к слиянию его с психопатологией, социальной психологией и культурной антропологией в форме «отделения социальных отношений», ни к сведению социологии к второстепенному придатку этих дисциплин и прочим неблагоприятным переменам, происходившим после 1942 г.» (Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. С. 200).

На нашем факультете собственная теоретическая социология, и тем более общая социология, хотя и есть такие кафедры, пока еще не разработаны даже в качестве учебников, не говоря уже о школе по теоретической социологии. От материалистической теоретической социологии отказались, достойной замены не нашли.

Есть опасность растворить социологию в многочисленных социологиях: почти по каждому мало-мальскому объекту создается социология. Уже сейчас можно насчитать их сотню, если не больше. Конечно, каждое явление общественной жизни имеет социальный аспект, который нуждается в исследовании. Но для этого не следует создавать особые социологии. Их нужно изучать прежде всего в рамках тех общественных (гуманитарных) наук, в предметную область которых входят эти явления. Если же эти науки окажутся недостаточными, нужно идти на междисциплинарность. Можно лишь сожалеть, что постоянно декларируемые междисциплинарные исследования так и не привели к созданию хотя бы одной такой дисциплины или кафедры в области обществоведения.

Вопрос: В каком направлении, с Вашей точки зрения, развивается современная российская социология?

Ответ: Системный кризис, охвативший российское общество, не мог не коснуться социологии. Вместе со «свободной» рыночной экономикой «продажной» стала и социология: по свидетельству председателя ВАК, вице-президента РАН Г. Месяца, половина российских политиков, получивших в последние годы ученые степени, приобрели их за деньги. Цена докторской диссертации, по неофициальным данным, достигает 15 тыс. рублей, кандидатской — 2 тыс. (см.: «Советская Россия». 12 ноября 1998 г.). В ход в массовом масштабе пошел западный интеллектуальный товар.

В свое время кризис в естественных науках связывался с исчезновением материи. Ныне у философов и социологов исчезает объективная социальная реальность. Вроде бы не надо ничего объяснять, обосновывать развитие чего-то, прогнозировать будущее. Достаточно заниматься интерпретацией переживаемой повседневности, виртуального мира (вместо объективной реальности), участвовать в так называемом социологическом дискурсе (по-русски — в болтовне). Социальная теория без обращения к «исчезнувшей» социальной реальности становится не нужной, теряет онтологические основания. В условиях натиска феноменологического идеализма позитивизм представляется золотым веком социологии.

Другой признак кризиса — это превращение дуализма и его умноженного варианта — плюрализма в единственный вариант научности в социологии. Дело,

конечно, не в том, что только сегодня социология оказалась в состоянии плюрализма доктрин и концепций. Ей всегда было присуще многопарадигмальное состояние. Дело в том, что отрицаются научность и рациональность, своеобразное превращение гегелевского «все разумное — действительно, все действительно — разумно» в свою противоположность — «все действительно — неразумно и все разумное — недействительно», что это отрицание ныне становится принципом.

Каждый социолог в своей действительной сущности — монист, дуализма действительной сущности не бывает, если даже социолог считает своей концепцией дуализм и плюрализм, ибо противоположную концепцию, т.е. монизм, он отрицает. Кризисность такого социолога заключается в том, что рефлексированный в его голове образ социальной реальности он превращает в самостоятельную сущность. Дуализма же сущности действительного человека, образующего субстрат социальной реальности, не бывает. Нормальный человек не может одновременно служить двум богам. В противном случае он из нормального субъекта превращается в ненормального. Соответственно, выйти из кризиса на основе оправдания этой ненормальности, признания одинаковой правомерности каждой из социологических парадигм как самостоятельных сущностей невозможно, ибо это — тупик, это — кризис, а не выход из него.

Вопрос: Какие теоретические принципы в социологии и в целом в социальной науке Вы разделяете в настоящее время? Какие социологические проблемы и темы привлекают Ваше внимание именно сейчас в конце 1990-х гг. уходящего столетия? Как Вы оцениваете состояние современной, в том числе российской социологии?

Ответ: Для меня и для «нормальных» социологов, как мне представляется, наиболее важной становится работа по преодолению кризиса как в социологии, так и в социальной жизни. Надо, прежде всего, заняться восстановлением научной социологической теории. Нишу, которую занимала материалистическая теория общества в социологии, ни одна теория не смогла и не сможет заполнить, планка оказалась непревзойденной. Первоочередным делом в области теории была бы разработка материалистической феноменологии как теории социальной практики, с помощью которой можно будет преодолеть кризис, вызванный в этой области натиском феноменологического идеализма, опирающегося на мыслительные процедуры конструирования смыслов и значений представляемых реальностей.

Необходимо восстановить и продвинуть вперед теорию социального развития, преодолеть отказ западной, а теперь и нашей прозападной социологии, от идеи развития, от девелопментализма. Социологам следует всемерно поддерживать Декларацию и Программу действий по социальному развитию, принятые на конференции ООН в Копенгагене (1995 г.) и подписанные правительствами всех стран, в том числе и нашей. В этих документах на первый план для XXI в. выдвигается социальное развитие общества, в центр которого ставится реальный человек с его потребностями и благосостоянием, развитие его личности. Разве не благородная задача обосновать возможность и необходимость развития общества в этом направлении, особенно в условиях, когда западная социология отказывается это сделать. Такая задача не из легких. Для ее выполнения нужна новая парадигма социально-экономического познания и развития общества.

Вопрос: Наконец, ряд вопросов о Ваших личных намерениях и целях. Какие исследовательские планы имеются в Вашем багаже? Что уже осуществлено, что предстоит сделать?

Ответ: Главное в моих личных планах — это разработать в общем виде основные контуры новой парадигмы в науках об обществе и вызвать ее обсуждение. В чем ее суть?

Современное общество и науки о нем «работают» на стоимостном принципе. Из стоимостной парадигмы нельзя вывести возможность экономического и социального развития, касающегося всех: всякое улучшение жизни одних, согласно критерию Парето, вызывает соответствующее ухудшение положения других. В стоимостном отношении результат деятельности не содержит больше того, что было в предпосылках, в затратах. Применительно к истории это означает отрицание возможности превосходства настоящего над прошлым, будущего над настоящим. Настоящее предстает как «постмодерн», в нем ничего нового не обнаруживается. Оно однозначно с прошлым, существует как-то, что уже было. С этим связано и господство ценовых (стоимостных) критериев, составляющих основу всех социальных оценок, к каким бы высоким «материям» они не относились. Нравственность, честь, совесть и многие другие духовные ценности, не говоря уже о социально-экономических, в условиях стоимостных отношений превратились в предмет купли-продажи, стали измеряться деньгами. Стоимостная эквивалентность все больше превращается в устах современных обществоведов в равнозначность всех факторов и вариантов общественного развития, в равноценность выдвигаемых научных парадигм, принципов, точек зрения и т.п. Дуализм вполне укладывается в стоимостную эквивалентность: противостоящие по сущности концепции оказываются равновесными.

Действительное развитие общества может осуществляться лишь на базе постоянного неравенства между предпосылками и результатами, постоянного нарушения их равновесия. Это — основное свойство человеческого труда, человеческой деятельности. Общество сможет прийти в равновесие лишь на основе растущего превосходства результатов труда над его затратами и, следовательно, их увеличивающегося неравенства. Эта новая парадигма, переведенная с базового экономического языка на язык других социальных наук, ставит все оценки социального развития на новый прочный критерий — постоянное превосходение предшествующих результатов, способность человека посредством своей деятельности превзойти достижения других.

Новая потребительстоимостная парадигма получила довольно серьезную апробацию применительно к развитию технологического способа производства: защищены докторские диссертации В. Г. Долговым, С. В. Осиповым, Н. Ф. Дюдяевым по потребительстоимостным основам научно-технического прогресса, кандидатские диссертации по потребительной стоимости предметов труда, производительных сил человека, его научного потенциала и др. В университетском издательстве находится моя книга «К новой парадигме социально-экономического познания и развития общества». Начал исследовать возможности применения новой научной парадигмы в экономике социальной сферы — в производстве общественных благ в общественном секторе экономики — и на этой основе построить концепцию благосостояния и развития человека, продолжаю разработку проблемы воспроизводства человека и общества (воспроизводственная концепция развития общества).

Начал готовить коллективную монографию на тему «Социологическая теория развития современного общества», которую планируем выпустить к открытию российского социологического конгресса на базе факультета социологии нашего университета. В дальнейшем собираюсь заняться «реставрацией» своих прежних работ по проблемам социологии и экономики, в частности, опубликовать в целостном виде докторские диссертации по философии и экономике.

Вопрос: Какие перспективы и трудности, по Вашему мнению, ожидают наше общество в ближайшем будущем? Имеете ли смелость прогнозировать будущее России в XXI столетии?

Ответ: Чтобы ответить на вопрос о будущем нашего общества, надо принять концепцию развития общества, признать обоснованную материалистической социологией и подтвержденную практикой объективную закономерность смены одной общественной формы другой, противоположной. Что касается перспектив на XXI в., то остаюсь убежденным в том, что временное отступление от социализма и реставрацию капиталистических порядков Россия преодолет, она пойдет по начатому ею впервые в истории пути, возможно, позади таких стран, как Китай, и на этот путь со временем станет все человечество.

В настоящее время затухает начавшаяся в стране в 1960-е гг. волна рыночных реформ, приведших к временной реставрации капитализма и к сопровождающему его кризису во всех сферах жизни, к невиданному разрушению производительных сил. Стало очевидным, что капитализм не способен вывести Россию из кризиса, он может лишь его углубить. Развитые капиталистические страны не смогут и не захотят вытаскивать Россию из столь глубокой ямы, в которой она оказалась. Обстоятельства вновь делают восстановление социализма условием преодоления нашего кризиса. Вопрос лишь в том, насколько быстро это будет осознано и какие формы приобретет начавшийся процесс контрреформ, т.е. прилив заменяется отливом, если исходить из волновой концепции развития. Надеяться на повторение НЭПа я бы не стал, ибо Россия нэповская привела к России сегодняшней.

Я согласен с высказанными на конференции ООН в Рио-де-Жанейро суждениями о том, что модель капитализма, по которой развивались главные капиталистические страны, не годится для остального человечества, вступающего в третье тысячелетие. Экономика, функционирующая на основе закона стоимости, дала почти все, что она могла дать для саморазвития общества на этой базе. Не зря представители Римского клуба заговорили о пределах экономического роста. Отдельные авторы полагают, что при сохранении существующих порядков уже в первой половине XXI в. прекратится экономический рост, исчезнет возможность работать на прибыль и придет конец саморазвивающейся на базе рынка и стоимости экономике. Переход к социализму, считают они, станет неизбежным. Без этого человечеству невозможно будет спастись.

Интервью подготовил и провел В. В. Козловский